

The background of the entire image is a lush, dense forest. Sunlight filters through the thick canopy of green trees, creating a misty, ethereal atmosphere. The light rays are visible, creating a sense of depth and mystery. The colors are predominantly deep greens and blues, with the sunlight adding a warm, golden glow.

Максим Вихров

**Герундий,
или
Неопределённость**

Максим Вихров

Герундий, или Неопределённость

«Автор»

2026

Вихров М.

Герундий, или Неопределённость / М. Вихров — «Автор», 2026

В одном захолустном селении каждый месяц происходит нечто, пробирающее ужасом до мозга костей. Но Фира Блиндерёхера куда больше занимает другой вопрос: как восстановить честь семьи, если обида требует возмездия, а виновник не спешит оправдываться? Впереди – встреча с человеком, которого трудно понять и оттого ещё труднее простить. Это та история, в которой далеко не всякое можно осознать через привычные взгляды на мир.

© Вихров М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Максим Вихров

Герундий, или Неопределённость

Глава I

«Лучшая месть — забвение, оно похоронит врага в прахе его ничтожества»

Бальтасар Грасиан

Проснувшись рано поутру, я уже понимал, что сегодня убью этого подонка Герундия. Я ведь пообещал себе это ещё три дня назад. Род Блиндерёхеров не терпит таких оскорблений – вообще никаких оскорблений. Зря он думает, что я сделаю исключение.

Неделю назад мой добрый дядя Стирр решил убить Монстра из пещеры, который каждый месяц приходил и пожирал жителей дома, что был ближе всех к нему. Вместе с домом. Не то чтобы его кто-то видел – каждый встретивший Монстра погибал. А приходил он только ночами. Благо, на окраине жили самые бедные, никчёмные люди (недавно я уверился в этом!).

Мы с тётушкой Верт долго отговаривали его – мы могли просто уехать из деревни и уже собирались в ближайшие недели. Но он, авантюрист, был неумолим. Дядя Стирр долго копил силы, ему вручили лучшие, трофейные, закалённые латы, несколько пик и коня. Он был героем ещё до своего похода. Ведь был первым.

А тот, кого Монстр должен был съесть следующим, оказался вызван, чтобы стать оруженосцем дяде. Звали его Герундий.

Человек это был юродивый, не от Бога и не от мира сего. Мне ровесник, – 19 годов от роду – он был явно лишён всякого ума. Его не разочаровала ни весть о его черёде в рот к Монстру, ни об участии в смертельно опасном хождении на хищника. Напротив, он был рад, ничуть не подавлен. Натура у него была такова столько, сколько его свет помнит. Ничем нельзя было его расстроить: его лупили, резали мальчуганы, били палками за воровство. Он смеялся и говорил несусветицу, что горести в этом мире нет. «У тебя она под носом, кретин! Тебя скоро съедят!». Нет, ему было неважно, совсем.

Ходил он весь, с головы до ног, в бинтах – из-за порезов. Его попросту почему-то всегда было больно бить кулаками, ногами, да иногда и палками – будто обратно удар отдавало. Как бил его, так постоянно синяки появлялись и у меня. Вот потому и начали резать его – в ножи не возвращало. А он откуда-то достал клевец. Так просто случилось перемирие – но мне, откровенно говоря, просто надоели простые драки.

И отправился он в поход, радостный. Навалили скопом на него пики, и свой молоток несчастный взял тоже. Волочился хвостиком за дядей Стирром, а он вёл его в лес.

Великий был бы подвиг, или хотя бы великая жертва! Неделя прошла с начала похода. С трудом, но всё ещё верилось в дядино выживание.

Дня четыре назад в деревню пришёл лесничий, который в роще к пещере близко живёт. Не знаем мы, как Монстр обходит его стороной, да и неважно это. Рассказал лесничий нам, что видел Герундия. В крови по локти, он брёл со своим клевцом, один.

– Как же так?! И чего он не возвращается?! Или почему не помер там?! – восклицал я в первых рядах тогда.

– Не знаю, не узнал, юный Блиндерёхер... – лесничий не говорил ничего дельного.

И тётушка Верт лишь томно вздохнула, точно помню. Сказала мне:

– Пойдём, подождём чего хорошего, мой Фир...

Но я знал, что и она не проявляла искреннего смирения перед такой несправедливостью. Просто терпела унижение – а я считаю, что ситуация донельзя унижительная – и молила судьбу наставить семью нашу на путь лучший.

Может, молитва сработала. Ведь сегодня я убью этого труса. Может, он наконец разрыдается, когда окажется при смерти.

Наведя нужный туалет на лицо, я достал из отцовской комнаты, переделанной под трофейную после смерти, его рапиру. Было бы словно знаменательно убить противника рода такой реликвией. Мне, тем более, никто уже не запретит. На секунду засмотрелся на стену: на ней висело ещё несколько рапир, тренировочных мечей и плеть – что первое в глаза бросается в принципе, когда заходишь в музей. На трёх посеребрённых нитях вереницами висели зубы, пальцы и уши обидчиков семьи. Очень хорош был мой отец. Жаль, что зарезали исподтишка.

На торжество справедливости я собрался очень красочно, почти при параде – лучшие красные рубашка и панталоны, аккуратные туфли. И сзади, за поясом, мой любимый охотничий нож с железным соколом на конце рукояти. Таких бледных пальцев, как у Герундия, в коллекции нет ещё.

«Если б он был хоть сколько-то невиновен и благочестив, подонок бы удосуужился хотя бы вернуться в деревню».

На улице смердело так, что ударяло в нос. Из-за жары, видимо, запах от всего валяющегося и воняющего дерьма поднимался вверх. В любой другой день я бы развернулся и подумал трижды, так ли мне надо по делам. Конечно!.. Не сегодня. Такой я смелый в день отмщения.

Прохожие сразу начали глазеть на отцовскую рапиру на моём поясе. Обычно я ношу свою, не слишком примечательную, но тоже готовую к действию. У отца же рукоять была украшена несколькими рубинами и узором в виде стальных перьев. Вся поблёскивала на свету дня. Такую красоту не каждый день увидишь, и я сам себе завидую, что она досталась мне.

Впрочем, никто не удосуужился поинтересоваться, а в чём это такой повод, чтобы носить подобные реликвии так просто. Стеснялись, что ли. Оно, может, и к лучшему – поставить люд перед фактом моей победы будет даже более грандиозно, чем дать повод посплетничать заранее. Хотя, в общем плане и в самой грандиозности мои намерения разве сильно отличаются от похода на Монстра? Я, тем более, верну дяде и посмертную честь (а вдруг он – что даже лучше – жив!..), когда убью.

По пути к лесу, мне повстречался мой добрый товарищ Гезихт Шаунер. Он тоже был из зажиточного дома, но попроще нашего. Знакомы мы с ним ещё с детства.

– Здоров будешь! – воскликнул он ещё издалика.

– И тебе не хворать, Гезихт.

– А куда путь держишь? И мину кислую свою? – Гезихт ухмыльнулся, – Уж небось опять кто нахамил?

Меня всегда раздражали его донельзя откровенные просторечия, но с кем судьба свела, с тем и живём.

– Верно, – проговорил я спокойно, – Вчера простак с окраин оттоптал мне ноги, пока нёс вёдра от колодца. Не извинился.

Врать было удивительно легко – особенно сейчас, когда ложь всем принесёт пользу.

– Во кошмар! Похоже, сильно отдал, раз ты с отцовской шпагой разбираться идёшь!

Конечно, как он мог это не подметить.

– С рапирой, – холодно уточнил я, – К слову, Гезихт. Что-то интересного случилось с тем самым Герундием? Затишье пока было.

– Не-а! Ну, как нет – слухи ходят. На поляне, где в центре дуб одинокий и старый растёт, кто-то видел его, когда за грибами ходил. Сейчас же смело это – ходить в чащу, где пещера,

Монстр, всякое; потому и рассказывал грибник – причём воодушевлённо очень. Но это так, сам понимаешь, поговаривают!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.